

«Молодая Беларусь» – позднее и незавершенное движение

Младодвижения в восточноевропейских странах зарождаются приблизительно синхронно по времени, но совершенно вариативны по своему влиянию, проявлениям и результатам внутри каждой национальной литературной системы. Таким образом, они являются одновременно и транснациональным, и внутрилитературным фактором внутри каждой национальной литературной системы, демонстрируя механизмы рецепции и трансформации «внешней идеи», и, по-видимому, отчасти раскрывают процессы взаимоотношения с внешним или внешними литературными меридианами, о которых говорит Паскаль Казанова.¹ Анализ младодвижений, по-видимому, дает ключ к пониманию того, как происходит определенная синхронизация литературных моделей внутри неоднородного и, в некотором роде, виртуального общеевропейского литературного контекста.

Но в случае с белорусской литературной моделью этот анализ, вероятно, будет играть немалую роль в пересмотре достаточно мифологизированной, и, несмотря на многочисленные попытки реанимации, уже давно нежизнеспособной концепции национальной литературы, которая утвердилась и у белорусских литературоведов, и вообще в славянском белорусоведении за последние минимально 80 лет, и которая, конечно, сама по себе чрезвычайно интересна, т.к. представляет собой многокомпонентный сплав различных идеологических моделей, неустойчивого литературного канона и результатов ревизий (последняя – примерно в середине 1990-х гг.) корпуса текстов и авторов. В этом смысле анализ характера, структуры и целей белорусского младодвижения в его взаимодействии с младодвижениями соседних литературных систем поможет нам решить, как представляется, сразу несколько задач.

Во-первых, прояснить механизм воздействия и влияния на формирование национальной литературной системы факторов, действующих «поверх границ» и гетерономных барьеров, и одновременно прояснить вопрос о характере и природе «исходного толчка», т. к. для белорусской литературной системы момент возникновения и начала формирования «новой» литературы фактически совпадает с моментом формирования младодвижения, которое в белорусском случае гораздо шире собственной литературной системы. Возможно, это же явление мы наблюдаем и в некоторых других молодых

¹ Казанова П. Мирская республіка літаратуры. М., 2003.

славянских и балтских литературах, равно как и в направлении, типе, характере, наконец, модели развития, которые «исходный толчок» через младодвижение или иное общественно-культурное движение задает.

Во-вторых, через характер и конструирование модели движения (а у нее, несмотря на то, что движения считаются скорее стихийными, чем рациональными явлениями общественной и культурной жизни, всегда есть автор или авторы) можно, особенно в нашем случае, прояснить механизм и характер «конструирования» самой литературы. Белорусская национальная литературная модель – самая молодая в славянском и европейском мире. Ее формирование начинается в начале XX в. с совершенно конкретного рубежа – с легитимизации печатного текста на белорусском языке, который до 1904 года в Российской империи находится вне закона. В этом тоже есть множество интересных факторов, которые будут иметь серьезный научный интерес для соседей, в частности, тот парадокс, который – по аналогии – можно назвать «ирландским фактором». В короткий период с 1905 по 1929 год создан совершенно полноценный корпус текстов, символический капитал, абсолютно полноценный с точки зрения развитости жанровой системы, эстетического потенциала, наличия школ, течений – и тесно связанный во всех фазах своего развития со множеством движений, которые так или иначе попадают под определение «младо». Никем, кстати, и не оспаривается тот факт, что на протяжении 1905-1929 года (до «вжимания» в государственно-бюрократические формы) белорусская литература развивается именно как «младолитература», под знаком обновления или реновации, объединенном под несколькими терминами – «Адраджэнне» «маладнякізм», «Агняцвет» и т. д. В 1906-1921 годах, как представляется, 100% совокупного контента, а в 1921 – 60-70% может идентифицироваться как «младолитературный» контент.²

В-третьих, весьма интересен тот факт, что младодвижения, во всех европейских литературах означающие поворот к модернизму, в белорусской литературе в этом отношении затронули, скорее, поэтику. Несмотря на попытки некоторых белорусских литературоведов синхронизировать возникновение «белорусского модернизма» с общеевропейским (М. Тычина, И. Богданович, В. Максимович)³, совершенно очевидно, что в период с 1906 по 1929 годы литература по объективным причинам не может отказаться от

² Карский Е. Белорусы. Т. III. Очерки словесности белорусского племени. 3. Художественная литература на народном наречии. Петроград, 1922; Гарэцкі М. Гісторыя беларускае літаратуры. Мн., 1992.

³ Тычына М. Філасофія літаратуры. Беларускі варыянт. Мн., 2014; Багдановіч І. Авангард і традыцыя: беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння. Мн., 2001; Максімовіч В. Беларускі мадэрнізм: самаідэнтыфікацыя літаратуры пачатку XX стагоддзя. Мн., 2001.

той модели литературного мира, в центре которого автор-«пророк»; модель, где автор перестает быть носителем абсолютной истины и начинает демонстрировать ее относительность, совершенно неприемлема для литературы, стоящей в центре национально-возрожденческого движения, по сути, это гибрид или синтез совершенно различных по своей природе концепций.

В относительно короткий период – с 1906 до начала 1930-х – внутренние положения и постулаты младодвижения будут сочетаться с совершенно разными общественно-политическими системами и «конструироваться» внутри совершенно различных социально-культурных слоев. Белорусская младолитература с 1906 по 1914 год развивается внутри Российской империи, с 1914 по 1918 годы будет разорвана между германским «Обер-Остом» и российской прифронтной полосой, с 1918 по 1921 годы будет ареной столкновения самых различных политических сил, наконец, после 1921 года окажется на территории двух враждебных общественно-политических систем – Советской России и Польши.

С другой стороны, несмотря на доминирующий взгляд на генезис этой литературы как «народной», якобы возникающей спонтанно, из глубины народных масс, конструировать ее начинает как раз элита, притом, как отмечает Ю. Туронак, «католическая шляхта создает литературу в преимущественно православной стране».⁴ Но позаимствованные у младодвижения идеи, пересаженные на почву белорусских культурных движений, в нарождающейся литературе трансформировались в какие-то совершенно иные литературные формы и концепции.

Таким образом, анализ рецепции моделей и концепций литературных младодвижений в белорусской литературе позволяет прояснить многие пока еще не решенные проблемы в ее генезисе и характере, но, одновременно, ставит новые проблемы и вопросы, связанные с конструированием нового концепта национальной истории литературы. Одновременно этот анализ даст понимание того, почему младодвижение в белорусской литературной системе трансформировалось в формы, не совпадающие по своей природе с модернистскими европейскими младодвижениями.

⁴ Туронак Ю. Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі. Мн, 2006.